

Тот дождь нехотя прекратился только глубокой ночью.

Цяо Е всю ночь так и не смог нормально уснуть. Перед глазами снова и снова вставал Пэй Цзюэ под светом у подъезда, а негромкая фраза «я не хотел тебя жалеть» крутилась в голове по кругу, раздражая всё сильнее. Как ни ложишься — неудобно. Чем больше он думал, тем сильнее злился, но чем сильнее злился, тем меньше понимал, на что именно.

На то, что Пэй Цзюэ полез не в своё дело? На эту его спокойную манеру смотреть сверху вниз, будто подавая милостыню? Или на... самого себя — потому что перед этим человеком даже вспышка ярости выглядела неуверенной, бессильной?

Он ворочался на жёсткой кровати, слушал, как дождь за окном сначала барабанит сильнее, потом стихает, а затем исчезает совсем. Лишь когда небо начало сереть, удалось ненадолго провалиться в дремоту. В голове была каша: тепло-жёлтый свет подъезда, тёмный домашний свитер и взгляд человека, который тихо сказал ему: «Тебе не обязательно так себя загонять».

В том взгляде не было презрения, которого Цяо Е ожидал. И именно поэтому становилось ещё неуютнее. Лучше бы Пэй Цзюэ действительно смотрел на него свысока — тогда Цяо Е хотя бы мог с чистой совестью ненавидеть его в ответ.

На следующий день Цяо Е пришёл на занятия с двумя тяжёлыми тёмными кругами под глазами и целый день ни разу толком не посмотрел на Пэй Цзюэ. Тот тоже не подходил и не провоцировал его. Между ними установилось молчаливое перемирие, ещё более полное, чем обычно.

Перелом случился вечером того же дня.

Для отчёта по анатомии требовалось дописать несколько данных, и Цяо Е один провозился в лаборатории до позднего времени. Выйдя из анатомического корпуса с вещами в руках, он решил срезать путь и свернул на тенистую аллею, где обычно почти никто не ходил. Только начинало темнеть, фонари один за другим уже зажигались. Пройдя немного, Цяо Е издалека увидел одинокую фигуру под фонарём впереди.

Пэй Цзюэ.

Цяо Е остановился и первым порывом решил обойти его другой дорогой. Но не успел сделать шага, как услышал голос.

Тихий и натянутый. Совсем не тот знакомый Цяо Е медлительный, безразличный тон.

Сам не понимая зачем, Цяо Е замер и тихо отступил в тень большого дерева у дороги.

Он не собирался подслушивать намеренно. Просто что-то в голосе Пэй Цзюэ словно удержало

его на месте.

Пэй Цзюэ стоял к нему спиной, одной рукой держа телефон у уха. Плечи были выпрямлены и напряжены, словно натянутая до предела тетива.

— ...Я понял, — сказал он.

— С практикой в той больнице я разберусь сам. — Короткая пауза. — Нет. В столицу я переводиться не буду. Я уже много раз вам говорил: Линьцзян меня устраивает.

На другом конце, похоже, прозвучало что-то жёсткое. Цяо Е не слышал слов, но по всё сильнее каменеющей спине Пэй Цзюэ прекрасно понял их вес.

— Да, — голос Пэй Цзюэ стал холоднее, почти до бесчувственного спокойствия. — Я знаю, что я из семьи Пэй. Вы с дедушкой повторяете мне это двадцать два года. Ни одного дня не пропустили.

Голос из телефона снова повысился. Даже на таком расстоянии Цяо Е смутно различал ледяной, не допускающий возражений нажим.

— Я не капризничаю. — В голосе Пэй Цзюэ не было слышно эмоций, зато костяшки руки, сжимавшей телефон, уже побелели. — Где я буду работать после клинического курса, вернусь ли в столицу, в какую больницу пойду, какое отделение выберу — вы с дедушкой давно расписали всё до последней детали. Я только хочу до того шага хоть немного подышать самостоятельно.

— Я знаю, что моя фамилия Пэй. — Он помолчал, а затем голос стал тихим, почти как вздох. — Но иногда я думаю: если бы я не был Пэем, может, жить было бы даже легче.

Ветер прошёл по аллее, заставляя листву над головой шуметь. Цяо Е стоял в тени дерева и боялся пошевелиться. И вдруг в каком-то давно затвердевшем месте внутри него без всякого предупреждения стало мягче.

Раньше он всегда самоуверенно считал, что у людей вроде Пэй Цзюэ просто не бывает настоящих проблем. Родился с золотой ложкой, оказался на высоте, до которой остальные не допрыгнут, даже если поставят на кон жизнь. Всё получаешь по первому желанию, всё идёт гладко, ни в чём нет нужды.

Но сейчас холодный белый фонарь вытягивал тень этого человека далеко по пустой дороге. И в обычно идеально прямой спине, на которой словно крупными буквами было написано «не приближаться», впервые проступило то, чего Цяо Е никогда там не видел.

Усталость.

И ещё растерянность, впитавшаяся будто до костей: человека чем-то намертво заперли, а бежать некуда.

В этот миг в одном убеждении, которое Цяо Е считал незыблемым, тихо появилась трещина.

Он всегда думал, что они с Пэй Цзюэ — два человека на противоположных чашах весов. Один из последних сил карабкается вверх, другой с рождения стоит среди облаков. Цяо Е завидовал, не желал признавать поражение, сжимал зубы и клялся обойти его. Но ни разу не подумал, что у человека среди облаков под ногами тоже пустота, а над головой висит гора, которую тот не в силах сдвинуть.

Оказывается, не одного Цяо Е что-то связывало по рукам и ногам так крепко, что невозможно пошевелиться.

Разговор закончился.

Пэй Цзюэ не двинулся сразу. Рука с телефоном безвольно опустилась. Он долго стоял на месте, подняв голову к холодно-белому фонарю, словно пытался найти в этом маленьком пятне света хотя бы глоток воздуха, чтобы снова начать дышать.

В эту минуту он уже не был гением с занятий, который мог одним предложением заставить человека задохнуться от злости. Не был и тем Пэй Цзюэ под светом подъезда, который поставил Цяо Е в неловкое положение и бесил до скрежета зубов. Он был всего лишь обычным молодым человеком, слишком долго запертым под тяжестью фамилии и сияющего ореола — и слишком давно уставшим.

Горло Цяо Е почему-то сжалось.

Вдруг стало немного жаль, что вчера он сказал такие тяжёлые слова. Но едва эта мысль появилась, как он сам от неё чуть не подпрыгнул: с каких это пор Цяо Е дошёл до того, что начал переживать за Пэй Цзюэ?

Он решил тихо отступить обратно в темноту, сделать вид, что ничего не видел и ничего не слышал.

И именно в этот момент под ногой оказалась сухая ветка.

Хруст.

На мёртвой тихой аллее звук оказался оглушительным.

Пэй Цзюэ резко обернулся.

Их взгляды встретились.

В ту секунду Цяо Е ясно увидел: на лице Пэй Цзюэ ещё оставалась крошечная, не успевшая спрятаться беззащитная уязвимость. Но стоило ему понять, кто перед ним, как она шаг за шагом замёрзла и исчезла под привычной холодной маской.

Воздух между ними натянулся струной.

Это противостояние не походило ни на одно прежнее. Не было колких выпадов с занятий, не было ярости под козырьком дома. Цяо Е вдруг почувствовал себя человеком, который случайно вошёл туда, куда входить не должен, и увидел самую глубоко спрятанную, самую нежеланную для чужих глаз сторону другого.

— Ты здесь... — первым заговорил Пэй Цзюэ. Голос снова стал ледяно спокойным, но под тонким слоем льда явно пряталась едва заметная трещина паники. — Давно стоишь?

Цяо Е открыл рот.

Все колкие ответы, которые он вынашивал со вчерашнего вечера, внезапно исчезли. Хотелось сказать: «Недавно». Хотелось сказать: «Я ничего не слышал». Хотелось сказать: «Не думай лишнего».

Но встретившись с этими настороженными и одновременно уязвимыми глазами, он неожиданно обнаружил, что не может произнести ни единого слова.

<http://bllate.org/book/21871/2271007>